

# ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

**С. К. Цатурова**

Институт всеобщей истории РАН,  
Москва

## **«КОРОЛЬ ФРАНЦИИ ВОССЕДАЕТ НА ТРОНЕ ПРАВОСУДИЯ». КАК ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО ВМЕСТЕ СОЗДАВАЛИ ФРАНЦУЗСКУЮ МОНАРХИЮ**

На начальном этапе построения монархических государств в средневековой Европе главной функцией верховной светской власти являлось отправление правосудия. Идейные основы усиления монархической власти заложила Церковь: сакральная концепция правосудия соединилась с идеями теологов об особом королевском достоинстве как служении на общее благо. «Рецепция» римского права преобразила статус монарха, превратив его в «должника правосудия». В этом контексте Франция позиционировалась идеологами монархии как «родина образцового правосудия», что считалось знаком избранности Французского королевства. Почему именно правосудие стало главным инструментом в деле усиления монархической власти? Причина кроется в устройстве средневекового общества: полицентризм в X–XII вв. не оставлял вакуума власти, а король действовал, как и любой сеньор. В этой ситуации для расширения компетенции верховной светской власти ей необходимо было завоевать моральный авторитет и доказать свои преимущества перед остальными властями, обладавшими теми же полномочиями. Этот моральный авторитет мог обеспечить только король как верховный судья, независимый арбитр и миротворец. Построение сильного монархического государства явилось результатом действий королей, их судейских чиновников и поддержки широких слоев общества. Первой вехой в этом процессе стало учреждение Филиппом II Августом бальи и сенешалей, к которым можно было апеллировать на приговоры иных

судов в домене. Вторым шагом на этом пути явились реформы Людовика IX Святого: ревизия 1247 г. и право жаловаться на нерадивых чиновников; ордонанс 1254 г. о реформировании нравов, узаконивший презумпцию невиновности; отмена судебного поединка, что позволяло оспорить любой приговор; наконец, выделение из Королевской курии Парламента, ставшего верховной апелляционной палатой королевства. Юристы и практики судопроизводства внесли важнейший вклад в усиление монархической власти, отбирая дела у других судов с помощью опоры на право, лазеек в законах и ссылок на приоритет милосердия. Эти акции нашли отклик в обществе и были поддержаны всеми сословиями, извлекавшими свою выгоду из усиления власти короля Франции. Ключевые слова: Французская монархия, средневековое правосудие, легисты, Парижский парламент, власть и общество

Цитирование: Цатурова С. К. «Король Франции восседает на троне правосудия». Как власть и общество вместе создавали французскую монархию. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2025-1-58-5-27> // Французский ежегодник. 2025. Т. 58. С. 5-27.

Поступила в редакцию: 12.02.2025

Принята к печати: 17.03.2025

**Susanna K. Tsaturova**

Institute of World History,

Russian Academy of Sciences, Moscow

**«THE KING OF FRANCE SITS  
ON THE THRONE OF JUSTICE».**

**HOW THE GOVERNMENT AND SOCIETY CREATED  
THE FRENCH MONARCHY TOGETHER**

At the initial stage of the construction of monarchical states in medieval Europe, the main function of the supreme secular power was the administration of justice. The Church laid the ideological foundations for strengthening monarchical power: the sacred concept of justice combined with the ideas of theologians about special royal dignity as service for the common good. The "reception" of Roman law transformed the status of the monarch, turning him into a "debtor of justice." In this context, France was positioned by the ideologists of the monarchy as the "homeland of exemplary justice," which was considered a sign of the

French Kingdom's chosenness. Why has justice become the main tool for strengthening monarchical power? The reason lies in the structure of medieval society: polycentrism in the 10<sup>th</sup> –12<sup>th</sup> centuries did not leave a vacuum of power, and the king acted like any lord. In this situation, in order to expand the competence of the supreme secular power, it needed to gain moral authority and to prove their advantages over other authorities with the same powers. This moral authority could be provided only by the king as the supreme judge, independent arbitrator, and peacemaker. The construction of a strong monarchical state was the result of the actions of kings, their judicial officials, and the support of the broad strata of society. The first milestone in this process was the establishment by Philippe II Auguste of bailiffs and seneschals, to whom it was possible to appeal against the verdicts of other courts in the domain. The second step on this path were the reforms of Saint Louis: the revision of 1247 and the right to complain about negligent officials; the ordinance of 1254 on the reform of morals, which legalized the presumption of being not guilty; the abolition of judicial duel, which allowed challenging any sentence; finally, the separation of Parliament from the Royal Curia as the supreme court of appeal of the kingdom. Lawyers and judicial officers have made a crucial contribution to strengthening monarchical power by taking cases away from other courts through reliance on law, loopholes in the laws, and references to the priority of mercy. These actions found a response in society, and were supported by all classes who benefited from the strengthening of the power of the King of France.

Keywords: French monarchy, medieval justice, lawyers, Parliament of Paris, power and society

Citation: Tsaturova, S., (2025). «Korol' Frantsii vossedat na trone pravosudiiia». Kak vlast' i obshchestvo vmeste sozdavali frantsuzskuii monarkhiu. [«The King of France sits on the throne of justice». How the government and society created the French monarchy together]. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2025-1-58-5-27>. *Annual of French Studies*, 2025, vol. 58, p. 5-27.

Замысел этой статьи отражает наши долгие беседы с Ниной Александровной Хачатурян. Видя мою увлеченность исследованием истории формирования монархического государства во Франции и складывания французской бюрократии, она постоянно предостерегала меня от недооценки роли общества в этом процессе. Эта статья писалась как *hommage* моему незабвенному учителю и с целью предложить подходы к исследованию данной важнейшей темы.

\*\*\*

Ключевая роль правосудия в полномочиях верховной светской власти и в формировании средневековых монархий общеизвестна и не нуждается в особых доказательствах. Важно в этом контексте заметить, что французская монархия позиционировалась как образец высокого авторитета правосудия, который выражался в прерогативах монарха, в инструментах властвования и в системе органов управления страной, на вершине которых стоял верховный суд – Парижский парламент. Более того, превосходство правосудия во Франции считалось знаком богоизбранности французского королевства и ее народа. Об этом с гордостью сказано в трактате «Тринадцать книг о Парламентах Франции» парламентария Бернара де Ла Рош Флавена на рубеже XVI–XVII вв.: «Правосудие явилось на свет одновременно с Францией и обладает наследственными правами во французской земле..., в одной лишь Франции отправляются истинные функции Правосудия»<sup>1</sup>. Символическим выражением превосходства правосудия во Франции стала особая инсигния – длань правосудия, которой наделялись при коронации только французские короли<sup>2</sup>.

Миссия короля – верховного судьи опиралась на сакральную концепцию правосудия: монарх призван был вершить суд на земле по образу Бога (*rex imago Dei*), что существенно трансформировало архаичные представления о природе царской власти как жреческой. Идейные основы этой функции восходят, разумеется, к Священному Писанию: «Царь, сидящий на престоле суда, разгоняет очами своими всё злое» (Притч. 20: 8); «правда и суд – основания престола его» (Пс. 96: 2); «И могущество царя любит суд» (Пс. 98: 4); «И делом правды будет мир, и плодом правосудия – спокойствие и безопасность вовеки» (Ис. 32: 17). В этой связи, неоспорим вклад Церкви в построение монархического государства.

Библейская трактовка правосудия оставалась лейтмотивом французской политической мысли. Приведу лишь цитаты из речей

---

<sup>1</sup> «la Justice est née avec la France, et a son droict hereditaire en la terre de France..., il n'y a qu'une France, où s'exercent les vraies fonctions de la Justice» (*La Roche Flavin B. de. Treze livres des Parlements de France. Bordeaux, 1617. P. 285*).

<sup>2</sup> Длань правосудия заменила меч как «инструмент восстановления справедливости», тем самым знаменуя переход от силового к судебному способу разрешения конфликтов и поддержания общественного мира. В «Трактате о коронации», написанном в 1373 г. Жаном Голеном по прямому указанию короля Карла V Мудрого, все королевские французские инсигнии трактуются как знаки правосудия и возводятся к Карлу Великому. См.: *Golein J. Traité du sacre / Ed. R.A. Jackson // Proceeding of the American Philosophical Society. 1969. Vol. 113. N 4. P. 305–324.*

и проповедей выдающегося теолога и канцлера Парижского университета рубежа XIV–XV вв. Жана Жерсона: «правосудие суть личная собственность сеньории или управления», «на высоком троне правосудия покоится королевская власть», «мир не может жить без своей сестры правосудия», «ибо правосудие сестра мира», «истина и правосудие сестры и хранители мира»<sup>3</sup>.

Вместе с тем, Церковь заложила незыблемые основы министеральной концепции (*regale ministerium*) королевской власти как особого достоинства (*dignitas regia*), сопряженного с моральной ответственностью перед вверенным королю сообществом, и как служения общему благу. В этой концепции правосудие заняло еще более значимое место, превратившись из права правителя в его обязанность. Она восходит к Августину, идея которого – «чем были бы государства без справедливости, как не разбоем?» (*Quod sunt regna nisi latrocinia perdita iusticia?*) – стала рефреном средневековой политической мысли. Затем рецепция римского права и «открытие» античной философии (Аристотеля, Платона, Сенеки), переосмысленной Фомой Аквинским, сформировали в XII–XIII вв. устойчивую концепцию судопроизводства в духе послания апостола Павла («отдавайте всякому должное» Рим. 13: 7) и максимы Ульпиана («правосудие есть постоянная и неизменная воля давать (предоставлять) каждому его права»). Король отныне считался «подданным правосудия и рабом справедливости», «должником правосудия», обязанным вершить справедливый суд, иначе ему грозит потеря власти и трона<sup>4</sup>. Во Франции к XIII в. король провозглашался «живым законом» (*lex animata*), «источком правосудия» (*fons iustitiae*), с помощью которого он правит. В духе этого король Франции вершил суд как свою главную публичную функцию<sup>5</sup>.

<sup>3</sup> «justice qu'est la propriété à seignorie ou domination»; «son hault throne de justice ou siet et se repose son auctorité royalle»; «car pais ne peut estre sans sa sueur germainne»; «car justice est seur de paix»; «verité et justice sont sueurs et gardes de pais» (*Gerson J. Œuvres complètes / Éd. P. Glorieux : 10 vols. Paris, 1960–1975. T. 7 : L'œuvres françaises : 2 part. P. 327–328, 599, 1104–1109, 1015*).

<sup>4</sup> Лучше всех об этой трансформации написал Э. Канторович. См.: *Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серегинной. М., 2014. С. 163–177; Канторович Э. Император Фридрих II / Пер. с нем. Л. В. Ланника и И. П. Стебловой. СПб., 2022. С. 235–250.*

<sup>5</sup> Эти идеи нашли отражение в королевских указах: например, «посредством правосудия короли правят» (*par la Justice les Roys régnet*); «королевства без правильного порядка в правосудии не смогут ни долго существовать, ни быть сильными» (*les royaume, sans bon ordre de justice, ne peuvent avoir durée ne fermeté aucune*) (*Ordonnances des rois de France de la troisième race / Éd. E.J. Laurière et als. 22 vols. Paris, 1723–1849. T. 10. P. 459, T. 14. P. 285*) (далее – ORF).

Уместно, однако, задаться вопросом, почему именно правосудие стало главной миссией монарха, а затем и органов его власти, с помощью которых он сумел стать сувереном, перетянув на себя остальные публичные функции? Ответ на этот вопрос продуктивнее искать «с конца», исходя из современного определения государства. Хотя единого, включающего в себя все аспекты и подходящего на все времена определения государства не существует, однако наиболее приемлемым и общепринятым считается определение государства, данное социологом Максом Вебером. Он признавал, что государство невозможно определить ни из содержания его деятельности, ни из применяемых им средств, поскольку и иные политические союзы вполне могут осуществлять подобную деятельность и применять те же средства. Поэтому единственным признаком современного государства он считал «монополию легитимного насилия», когда «единственным источником "права" на насилие считается государство»<sup>6</sup>. Разумеется, у средневекового монарха не было и не могло быть монополии на применение насилия, что подчас провоцирует отрицание самого существования государства в Средние века. Насколько такая монополия была у правителей позднее, в Новое время, вопрос тоже остается открытым.

В этой связи, уточнение, которое внес в чеканную формулу Макса Вебера американский социолог Чарльз Тилли, позволяет более гибко подойти к пониманию сути государства в Средние века. Согласно Тилли, государства являются «организациями, осуществляющими принуждение (организации принуждения), отличные от домохозяйств и родственных групп и имеющие несомненное *преимущество* (курсив мой – С. Ц.) сравнительно со всеми другими образованиями на определенной территории»; «государства создают разные организации для контроля основных средств принуждения на территориях с четко обозначенными границами и действуют как имеющие *преимущества* (курсив мой – С. Ц.) (в некоторых отношениях) над всеми другими организациями, действующими на тех же территориях»<sup>7</sup>. Выделенное мною слово «преимущество» представляется в данном подходе к определению сути государства ключевым.

В начале процесса усиления королевских прерогатив в средневековом обществе не было вакуума власти, для короля не было

<sup>6</sup> Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. М., 1990. С. 645.

<sup>7</sup> Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992. М., 2009. С. 21, 47.

«свободного места», все земли были поделены между сеньорами, светскими и духовными. Надо напомнить, что всякая власть по природе публична, то есть отправляет публичные функции над подвластной ей территорией и людьми. Соединение собственности и публичных полномочий как условие реализации прав сеньора привело с конца X в. во Франции к дисперсии суверенитета и множественности носителей власти. Всякий сеньор имел над своими людьми и территорией военную, фискальную, судебную и экономическую власть. В сеньориальный период (*seigneuries banales*), примерно до конца XII в., король Франции обладал теми же правами, что и иные сеньоры, и не было еще разделения на частное и публичное право<sup>8</sup>. Суд любого сеньора был суверенным, а его приговоры нельзя было обжаловать. Более того, у французского короля не было монополии в области судопроизводства, в стране вплоть до конца Старого порядка продолжали существовать около 60 тыс. сеньориальных судов, а судебная власть сеньоров была отменена только Французской революцией XVIII в.

Еще один немаловажный аспект для понимания процесса становления королевской власти заключается в самой природе правосудия, которая существенно отличалась от современной. Суд в Средние века подразумевал власть как таковую, был ее основной модальностью. В отсутствие права на издание новых законов и на административные функции носитель публичной власти мог только с помощью суда обеспечивать мир и правопорядок, следить за сбором налогов и пошлин, разрешать возникающие споры, контролировать исполнение решений и т.д.

Каким же образом король Франции сумел возвыситься над этой иерархией властей и встать во главе нее, превратившись сначала в сюзерена, а затем и в суверена? Для укрепления и расширения прерогатив королевской власти монархам необходимо было завоевать моральный авторитет в обществе и приобрести именно это упомянутое выше преимущество над всеми прочими властями на данной территории, а его могло обеспечить только отправление правосудия как защиты прав каждого и прибежища для всех. В силу нерасчлененности управленческих и судебных функций

---

<sup>8</sup> См. подробнее: *Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989. С. 21; *Хачатурян Н.А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 9–10; *Lemarignier J.-Fr.* La France médiévale. Institutions et société. Paris, 2002. P. 102–103, 117–118.

первый этап становления монархического государства историки определяют как «судебная монархия» (*État de justice*)<sup>9</sup>.

В этом процессе ключевую роль сыграли три обстоятельства. На первом этапе, как выше упоминалось, решающий вклад внесла Церковь. Нуждавшаяся в защите от сеньориального насилия она провозгласила, начиная с эпохи Каролингов, короля Франции правителем «милостью Божьей», защитником Церкви, гарантом «Божьего мира», заступником, поборником справедливости и миротворцем. Именно от Церкви королевская власть почерпнула для себя главные идеологические инструменты, прежде всего правовую концепцию *plenitudo potestatis*, судебные практики, включая институт апелляции, наконец, заполучила образованных и пригодных для королевской администрации людей.

Второй важнейший элемент в построение монархического государства внесла античная традиция: «открытие» римского права предоставило королевским легистам целый арсенал идей и практик, позволивших королю Франции объявить себя «императором в своем королевстве» и на этом основании забирать себе и решать исключительно в своем суде важнейшие дела. В них входили, по аналогии с римским правом, оскорбление величества, предательство, нарушение клятвы, преступления против веры, оспаривание решений монарха, бунты и неповиновение, наконец, посягательства на мир и правопорядок. Благодаря этому был открыт список так называемых королевских дел (*cas royaux*), который, по сути, ничем не ограничивался, особенно благодаря расширительной их трактовке королевскими чиновниками, заинтересованными в максимальном расширении правового пространства королевской власти<sup>10</sup>.

Наконец, еще не до конца оцененную роль в превращении короля Франции из сюзерена в суверена сыграли английские порядки в Нормандии, которые были взяты на вооружение королевскими легистами после присоединения герцогства к домену в начале XIII в. Герцог Нормандский, в отличие от иных французских грандов, сохранил за собой регальные королевские права над данной территорией и закрепил исключительно за своим судом ряд важнейших дел (*cas ducaux*)<sup>11</sup>.

<sup>9</sup> Малов В.Н. Парламентская Фронда: Франция 1643–1653. М., 2009. С. 27; Krynen J. *L'idéologie de la magistrature ancienne*. Paris, 2009. P. 11.

<sup>10</sup> Aubert F. *Histoire du Parlement de Paris de l'origine à François I, 1250–1515*. 2 vols. Paris, 1894. T. 1 : Organisation. Compétence et attributions. P. 263–267; T. 2: Procédure. P. 1–9.

<sup>11</sup> Lemarignier J.-Fr. *La France médiévale*. P. 102, 123–125, 259–260.

Таким образом, церковная трактовка миссии короля – верховного судии в соединении с приспособленным к новым условиям римским правом создало незыблемые идейно-правовые основания для укрепления и расширения прерогатив королевской власти во Франции с конца XII – середины XIII в., прежде всего, в области правосудия. Король Франции провозглашался его легистами и судейскими служителями не только «источником правосудия» (*fons justitiae*), но и «образом и слугой правосудия» (*imago / servus justitiae*), «отцом и сыном правосудия» (*pater et filius justitiae*), «живым судом» (*justitia animata*) и т.д. Вершиной этой концепции приоритета монархического суда явились две взаимосвязанные максимы – «всякий суд исходит от короля» (*toute justice émane du Roi*) и «король император в своем королевстве» (*roi est empereur en son royaume*). В XIII в. король Франции позиционировался как владеющий в виде фьефа или арьер-фьефа всеми светскими судами, получающими от него через сейзину право юрисдикции.

Но высказать и обосновать политико-правовые идеи в ученом трактате, который прочтет узкий круг лиц, или внести их в преамбулу королевского указа, который услышат при оглашении несколько десятков человек, еще недостаточно для того, чтобы эти идеи воплотились в жизнь. Самое важное в данном вопросе понять, каким образом монархам Франции вместе с королевскими легистами и судейскими чиновниками удалось добиться, чтобы приоритет верховной светской власти в области правосудия к XIII в. больше никем не оспаривался.

Прежде всего, надо помнить, что даже на раннем этапе, в правление Меровингов, варварское право отдавало приоритет верховной власти и ее институтам при возникновении споров, предлагая вместо кровной мести уплату вергельда и способствуя таким образом мирному, правовому (судебному) разрешению конфликтов и наказанию уголовных преступлений. Затем, при Каролингах были возрождены римские правовые практики, главным образом, право верховной власти самой возбуждать судебное дело в отношении посягательств на общественные мир и порядок, в противовес прежней норме варварских прав – начинать уголовное дело только по иску жертв или пострадавших. В суде при Каролингах использовались римские практики отправления правосудия: сбор доказательств, ведение расследований, опрос свидетелей вместо судебного поединка как способа решить спор. Наконец, действо-

вали *missi dominici*, королевские ревизоры, следившие за порядком в управлении и в суде страны<sup>12</sup>. Таким образом, у королевского судопроизводства к XII–XIII вв. были некоторые, хотя и отдаленные по времени, правовые нормы и практики, которые легитимировали расширение судебных прерогатив короны Франции.

Церковь первой способствовала успеху этого процесса. Провозглашая «Божий мир», она нуждалась для его осуществления в поддержке светской власти. Так появилась королевская инициатива Людовика VII объявить «мир в королевстве» на десять лет (первый указ «королевского бана» датируется 1155 г.), а затем и так называемые сорок дней короля, в течение которых спорящие стороны смогут прибегнуть к нему как к верховному заступнику для разрешения возникшего конфликта. Благодаря этим решениям король Франции Людовик VII первым получил титул «христианнейшего монарха». Вверенная королю церковной доктриной миссия охраны мира и правопорядка имела последствием распространение королевской юрисдикции и на церковные дела или споры. Так, уже в правление Людовика VI королевский суд впервые принял апелляцию на приговор епископского трибунала (1132 г.)<sup>13</sup>.

Решающим шагом на пути укрепления королевской власти в области правосудия стало учреждение Филиппом II Августом новых служителей – бальи и сенешалей, которых он поставил над прево – домениальными чиновниками. Бальи и сенешали потребовались короне Франции ввиду быстрого и колоссального по масштабу (почти в три раза) расширения королевского домена в конце XII–начале XIII вв., для управления которым нужны были новые формы. Бывшие вначале временными «комиссарами» – ревизорами, отправляемыми в отдельные области домена, бальи вскоре (ок. 1230 г.) осели в центрах областей и получили от короля публичную компетенцию – широкие права в административной, военной, финансовой и судебной сферах. По сути, бальи (в областях обычного права) и сенешали (в областях писаного права) стали полномочными представителями короля на местах. К бальи теперь можно было обратиться с жалобой на неправомерный приговор королевского прево или сеньора, церковного и светского. Кроме того, Филиппом II Августом активно использовались так называемые сорок дней короля, в течение которых

<sup>12</sup> Lemarignier J.-Fr. La France médiévale. P. 50, 77–78.

<sup>13</sup> Hildesheimer Fr., Morgat-Bonnet M. Le Parlement de Paris. Histoire d'un grand corps de l'État monarchique, XIII<sup>e</sup>–XVIII<sup>e</sup>. Paris, 2018. P. 47–50.

спорящие стороны могли прибегнуть к его третейскому суду и решить спор миром, а не затевать войну.

Поскольку в теории не существовало ограничений на выбор суда, в который человек мог обратиться в поисках «справедливости», то появление постоянных королевских судебных органов в домене создало благоприятную возможность для расширения полномочий короны Франции в области судопроизводства, с помощью которого укреплялась королевская власть в целом. Королевские суды на местах стали теснить суды церковные и сеньориальные. Наконец, на все приговоры любого суда, пройдя по иерархии инстанций, отныне можно было апеллировать непосредственно к королю.

Вторым, после учреждения баляи и сенешалей, гигантским шагом на пути усиления королевской власти во Франции стала ревизия 1247 г., инициированная Людовиком IX Святым. Готовясь к крестовому походу, король, как и всякий крестоносец, обязан был урегулировать свои долги, поскольку это призвано было способствовать успеху всего предприятия, из которого к тому же крестоносец мог и не вернуться. Однако Людовик IX, первым из французских монархов, включил в круг своих личных долгов, грехов и обязательств работу королевской администрации. Для облегчения души и успеха крестового похода король создал комиссию из монахов двух нищенствующих орденов, францисканцев и доминиканцев, и отправил их с ревизией по всему домену<sup>14</sup>. Они обладали широчайшей компетенцией: собирали жалобы на королевских чиновников, возмещали нанесенный ими ущерб, накладывали на них наказания и даже смещали проштрафившихся служителей. Ревизия выявила факты произвола, незаконных арестов, взяточничества, неправомерной жестокости, наказаний по одному лишь подозрению, за якобы неуважение к королевскому чиновнику. Но, в целом, учитывая широкий охват ревизии, дела обстояли не так уж и плохо, взятки лично баляи брали редко, факты произвола допускали, главным образом, низшие чины (сержанты), а существенная часть жалоб относилась не к королевским чиновникам, а к политике короля в целом<sup>15</sup>.

Неудачу крестового похода король воспринял как свидетельство греховности, царящей в его королевстве. Возвращаясь с Вос-

---

<sup>14</sup> Об этой уникальной ревизии и последовавшим за ней учреждением службы ревизоров-реформаторов см. подробнее: *Dejoux M. Les enquêtes de Saint-Louis. Gouverner et sauver son âme. Paris, 2014.*

<sup>15</sup> *Langlois Ch. Doléances recueillis par les enquêteurs de Saint Louis // Revue historique. 1906. T. 92. № 1. P. 1–41; 1909. T. 100. № 1. P. 63–95.*

тока, где он провел шесть лет, Людовик IX встретился с францисканцем Гуго де Динем, который убедил короля, что всему виной упадок правосудия, единственно способного сохранить власть короля и само королевство. Так на основе итогов ревизии 1247 г. и новых интенций короля на свет появился краеугольный для всей королевской администрации ордонанс от декабря 1254 г. (повторен и развит в ордонансе 1256 г.) «об улучшении состояния» королевства» (*ad statum regni reformandum in melius*). Он касался, прежде всего, полномочных представителей короля в домене, бальи и сенешалей, а также подчиненного им аппарата служителей. В этом ордонансе все королевские служители обязаны были поклясться, что отныне будут равно восстанавливать и защищать права всех, богатых и бедных, и судить невзирая на лица; не будут ни от кого, кроме короля, брать пенсии и подарки, что гарантировало их лояльность; им предписывался высоконравственный образ жизни (без богохульств, азартных игр, посещения таверн и т.д.); они должны были остерегаться притеснять подданных незаконными арестами, изъятиями продуктов, постоем; во всех решениях руководствоваться милосердием и справедливостью<sup>16</sup>. Этот ордонанс, названный Ж. Ле Гоффом «кодексом добропорядочного поведения функционеров», можно приравнять по значению к английской Великой хартии вольностей 1215 г., поскольку он провозглашал фундаментальный принцип правосудия – презумпцию невиновности<sup>17</sup>.

С тех пор сам Людовик IX стал примером образцового судьи. Образ сидящего под Венсенским дубом короля, выслушивающего жалобы подданных и вершащего справедливый суд, сделался до конца Старого порядка во Франции символом королевского правосудия<sup>18</sup>. Но едва ли не самый главный вклад Людовика IX Святого в становление королевского правосудия и расширение с его помощью прерогатив монархической власти заключался в выделении из Королевской курии (*Curia Regis*) верховной судебной палаты – Парламента. Во время шестилетнего отсутствия Людо-

<sup>16</sup> ORF. T. 1. P. 67–81.

<sup>17</sup> *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой / Пер. с фр. В. И. Матузовой. М., 2001. С. 171. Ордонанс 1254 г. был плодом коллективного труда юристов, но явно несет отпечаток мыслей самого короля; об авторах, структуре и содержании данного акта см. подробнее: *Carolus-Barré L.* La grande ordonnance de 1254 sur la réforme de l'administration et la police du royaume // *Septième centenaire de la mort de Saint-Louis: Actes des Colloques de Royaumont et de Paris (20–27 mai 1970)*. Paris, 1976. P. 85–96.

<sup>18</sup> *Цатурова С.К.* Людовик IX Святой – отец правосудия // *Средние века*. М., 2013. Вып. 74 (3–4). С. 344–362.

вика IX во Франции верховный суд вершил правосудие именем короля уже без его прямого участия. Последующее оформление Парижского парламента в устойчивую судебскую корпорацию с широкими правами в административной, законодательной и политической сферах власти, а также со стабильным составом и соучастием в комплектовании вывели процесс усиления королевского правосудия на совершенно новый уровень.

Юристы с университетскими дипломами, заполнившие все структуры Парламента, считали себя «жрецами Правосудия» (*Justitia sacerdotes*), «служителями культа юстиции» (*iuris religio*) и новым воинством – «рыцарями закона» (*militia legum*) на защите общего блага королевства. Их личная заинтересованность в максимальном расширении прерогатив и компетенции королевских органов правосудия сняла все преграды на пути усиления королевской власти во Франции. Об этой целенаправленной политике Парижского парламента написано достаточно, поэтому стоит лишь наметить наиболее значимые с точки зрения темы данной статьи направления в деятельности парламентариев.

Парламент изначально являлся судом первой инстанции для земель королевского домена и его прямых вассалов, а затем стал высшим апелляционным судом для всего королевства, особенно при Людовике IX. Он издал указы (1254, 1258 и 1261 гг.) о запрете прибегать к судебному поединку в домене короля, в духе решений IV Латеранского собора 1215 г., и о замене его инквизиционным процессом (сбором доказательств). Поскольку приговор в судебном поединке выносил как бы сам Бог, оспорить его было невозможно. Отказ от судебного поединка открывал возможность апелляции на приговор и возобновления дела той стороной, которая считала, что ее интересы были незаконно ущемлены. Более того, Людовик IX Святой распространил право апеллировать к королю на все королевство. Со временем большинство дел, решавшихся в Парламенте, поступало путем апелляции – на решения низших королевских инстанций (прево, бальи, сенешалей) или иных судов, светских и церковных. Вследствие этого в Парламенте была установлена очередность рассмотрения апелляций на приговоры, вынесенные в бальяжах и сенешальствах<sup>19</sup>.

---

<sup>19</sup> О списках очередности слушания дел по бальяжам и сенешальствам в Парламенте см.: *Austrand Fr. Géographie administrative et propagande politique, le rôle des assignations du Parlement aux XIV<sup>e</sup> et XV<sup>e</sup> siècle // Histoire comparée de l'administration (IV<sup>e</sup> – XVIII<sup>e</sup> siècles): Actes du XIV Colloque historique franco-allemand / Publ. par W. Paravicini et K.F. Werner. München, 1980. P. 264–281.*

Основаниями для апелляции на вынесенные судом первой инстанции приговоры являлись «ошибочный приговор», «дефект права» (*defectum juris*) или «отказ в правосудии»<sup>20</sup>.

Вторым важнейшим способом расширить компетенцию Парламента стало право перехвата дел (*droit de prévention*). К нему прибегали как сам Парламент, так и те, кто обвинял низовую судебную инстанцию в «отказе от правосудия» или в «замедлении судопроизводства», либо в предвзятости судей, и на этом основании они обращались, минуя низовую инстанцию, непосредственно к королю как верховному судье<sup>21</sup>.

Наконец, мощное политико-правовое развитие получила теория «королевских дел» (*cas royaux*), согласно которой король и его верховный суд обладают исключительной компетенцией для решения целого ряда правонарушений<sup>22</sup>. Однако последующие правовые теории «королевских дел» не должны вводить в заблуждение: они не столько описывали правовую реальность, сколько создавали ее. В этом плане классическое исследование Эрнеста Перро о «королевских делах», которые, якобы согласно праву, входили в компетенцию Парламента, изучает явление *post factum*, исходя из анализа его бытования на практике<sup>23</sup>. Никакого изначального списка «королевских дел» не существовало. Судебная компетенция *Curia Regis*, а затем и выделившегося из нее Парламента ничем не была ограничена и отличалась такой «эластичностью», что позволяла монарху и его судебским чиновникам забирать под свою юрисдикцию, по сути, любые дела, которые они посчитали бы важными и могли это обосновать с правовой точки зрения. Именно юристы постепенно внедряли идею о наличии дел, касающихся «интересов короля и королевства» и подлежащих исключительно королевскому правосудию, хотя что именно входит в этот круг дел решали сами судебские чиновники<sup>24</sup>.

Парламент позиционировался как «эманация королевской власти» и как орган, «представляющий без посредников персону

<sup>20</sup> Aubert F. Histoire du Parlement de Paris de l'origine à François I.... Т. 2: Procédure. P. 5–7.

<sup>21</sup> Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII – XV вв. С. 52.

<sup>22</sup> Об этой краеугольной для статуса Парламента и королевского правосудия практике, в целом, см.: Aubert F. Histoire du Parlement de Paris...Т. I: Organisation. Compétence et attributions. P. 263–341; Т. 2: Procédure. P. 1–25.

<sup>23</sup> Perrot E. Les cas royaux. Origine et développement de la théorie aux XIII<sup>e</sup> et XIV<sup>e</sup> siècles. Paris, 1910.

<sup>24</sup> Rigaudière A. Pouvoirs et institutions dans la France médiévale. Des temps féodaux aux temps de l'État. Paris, 1998. P. 209.

короля», которому принадлежит юрисдикция над всем королевством. Статус Парламента выражала его номинация «главная и суверенная курия» (*Cour capitale et souveraine*). На этом основании он расширял свою компетенцию, используя не только полученные полномочия, но и риторику «защиты интересов короля и общего блага» страны. В круг компетенции Парламента входили дела о грабежах, убийствах, похищениях людей, о чеканке фальшивой монеты, а также нарушения «королевской защиты» лиц и институтов, особенно бедных, сирот, религиозных братств, университетов или людей, находящихся под особым судебным покровительством короля (*committimus*), наказания за создание вооруженных отрядов частными лицами, за подделку печатей; все дела об аноблировании и легитимации. Постепенно из юрисдикции церковных судов королевскими судебными инстанциями во главе с Парламентом были изъяты дела о браках, вдовьей доле, завещаниях, бенефициях, сейзине, ересь, колдовстве и богохульствах.

Для расширения компетенции Парламент использовал в риторике две темы – защиту королевского величества от любых посягательств (*lèse-majesté*) и сохранение общественного мира. При этом оба тезиса Парламент трактовал в свою пользу: он сам решал, где и как задеты «королевское величество» и «интересы короля» или кто и что конкретно угрожает «общественному миру». Парламент начал злоупотреблять полученными правами, отказываясь отсылать судебные споры в низовые инстанции и ища благовидные предлоги для удержания иска у себя, так что королю нередко приходилось вмешиваться и урезонивать парламентариев.

Право на апелляцию к королю кардинально изменило природу судебной власти и расширило компетенцию Парламента, ставшего суверенной курией над всеми иными судами в королевстве. Оспорить вынесенный первой инстанцией приговор могла одна из сторон, обе стороны, их прокуроры, опекуны, родственники, наконец, генеральный прокурор короля. Даже в уголовном деле, если осужденный не признал своей вины, разрешалось оспорить приговор суда. Необходимо было только предварительно соблюсти установленную иерархию судебных органов и пройти все инстанции, а также обосновать причину оспаривания приговора. Парламент, получив апелляцию, решал, правомерно ли принять ее к рассмотрению, и мог отослать дело в низовую инстанцию. Но в большом числе апелляций парламентарии оставляли дело у себя,

будучи заинтересованы в поддержании статуса верховного арбитра, тем более что суд вершился не бесплатно, а отчисления от штрафов шли в пользу парламентской корпорации.

Парламентарии умело использовали идеи о «правосудии для всех», о необходимости судьям руководствоваться милосердием вместо суровости, о равенстве всех перед законом, о праве каждого, будь он хоть сарацин, прибегнуть в защите своих интересов к Парламенту<sup>25</sup>. Образ сарацина, чьи права на равных со всеми остальными подданными защищал Парламент, стал символом беспристрастности и справедливости королевского правосудия во Франции. Служители Парламента, ссылаясь на милосердие и восстановление прав каждого, вставая на защиту «слабых» против «сильных», искусно находили лазейки в законах или выдавали нормы римского права за обычаи и благодаря этому добивались привлекательности королевского правосудия в глазах самых широких слоев общества<sup>26</sup>.

Статус и компетенция Парламента были тесно увязаны с прерогативами самого монарха, вследствие чего оба процесса – усиление монархической власти и расширение компетенции верховного суда – шли параллельно и взаимосвязано. Таким образом, не только монархи, но и их служители, прежде всего, судейские чиновники во главе с парламентариями, внесли вклад в построение французской монархии.

Но все эти теории, правовые нововведения и судебные практики властей оставались бы «мертвой буквой», если бы они не нашли отклика и не были поддержаны обществом.

Этот аспект сложнее всего исследовать, однако некоторые выводы можно сделать на основе косвенных данных. Тем не менее, они достаточно определенно свидетельствуют в пользу «разворота» самых широких слоев общества к королевскому суду. Для понимания истоков этого кардинального поворота стоит вернуться к началу – к трансформации идейных основ правосудия. Благодаря теологам и юристам в XIII в. максима римского права «воздавать каждому должное» (*sum cuique tribuere*) превратилась в

<sup>25</sup> Так, Н. А. Хачатурян, исследуя политику Парламента в отношении крестьян и сельских коммун, убедительно доказала благожелательность верховного суда, нередко встававшего на сторону крестьян против их сеньоров. См.: Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. С. 92–116.

<sup>26</sup> Цатурова С. К. Гражданские ценности французских юристов, или зачем нужно государство? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 10 (96). URL: <https://history.jes.su/s207987840011671-7-1/> (дата обращения 11.01.2025)

норму «восстановить каждому должное» (*reddere unicuique quod suum est*), что не только превращало правосудие в долг правителя, но и подразумевало, что этого правосудия кто-то добивается<sup>27</sup>. Как следствие, суд вершился по запросу, а львиная доля судебных дел и даже королевских указов начиная с XIII в. представляла собой ответ власти на обращение подданных.

Уже с первых успехов в области расширения прерогатив королевской власти обозначилась стойкая тенденция у баронов и рыцарей, церковных иерархов и общин, городских корпораций и широких слоев общества прибегать к суду короля как стоящего над всеми независимого арбитра, заботящегося об общем благе и правах каждого. Показательно, что в 1202 г. Филиппу II Августу его арьервассал Гуго де Лузиньян граф де ла Марш пожаловался на своего сеньора короля Англии Иоанна Безземельного, а король Франции принял жалобу и вызвал того в суд, после чего началась война, в результате которой Нормандия, Мэн и Анжу были присоединены к королевскому домену. Важно, что это было сделано, формально, на основании судебных прерогатив короля Франции. Историки констатируют в правление короля Филиппа II Августа успех его слугителей на местах – бальи и сенешалей – в деле увеличения компетенции королевских судов, куда потоком потекли жалобы и апелляции на приговоры суда прево и сеньоров, духовных и светских<sup>28</sup>. Со второй половины XIII в. церковные институты тоже предпочитают заполучить королевскую защиту и перейти от баронов под судебную власть бальи, поскольку те оказывались более сведущими в праве, более образованными, умелыми, хорошо подобранными и располагающими наибольшим арсеналом средств принуждения.

В результате ревизии 1247 г., проведенной Людовиком IX Святым, люди поверили и убедились, что на власть и на ее слугителей можно жаловаться и добиться справедливости. Это право подданных узаконил краеугольный указ Людовика IX от 1254 г., в который была включена норма: все королевские слугители на местах обязаны были отныне по окончании службы оставаться там в течение 50 дней, чтобы любой подданный мог на них пожаловаться новому чиновнику или присланной комиссии<sup>29</sup>. С этого указа

---

<sup>27</sup> Об этой трансформации сущности правосудия см. подробнее: *Krynen J. L'idéologie de la magistrature ancienne. P. 18–19.*

<sup>28</sup> *Hildesheimer Fr., Morgat-Bonnet M. Op. cit. P. 58.*

<sup>29</sup> ORF. T. 1. P. 75. С тех пор эта норма регулярно повторялась в указах и вошла в «золотое правило» королевской службы.

берет начало поток жалоб на королевских чиновников, на иные суды и на решения власти в целом, который способствовал расширению компетенции судебных органов короля Франции в центре и на местах.

Об успехе этого процесса красноречиво свидетельствует поступательное и неуклонное увеличение числа бальяжей и сенешальств. В 1285 г. бальяжей и сенешальств насчитывалось 23; в 1308 г. – 27 (10 бальяжей и 7 сенешальств); в 1314 г. уже было 30 (20 бальяжей и 10 сенешальств); в 1328 г. – 36 (15 бальяжей и 11 сенешальств); в 1388 г. парламентский список очередности слушания дел фиксирует 19 бальяжей и 13 сенешальств, не считая Аквитании, Нормандии, графства Шампань и превоства Парижа; в середине XV в. фигурировало уже 27 бальяжей и 15 сенешальств, помимо превоства Парижа; ко второй половине XV в. насчитывалось 33 бальяжа и 17 сенешальств, концу XV в. во Франции, в целом, бальяжей и сенешальств было 86<sup>30</sup>. Этот поступательный рост числа административных округов королевства происходил не только из-за присоединения к домену новых земель, но и за счет дробления прежних бальяжей и сенешальств, служители которых уже не справлялись с объемом дел, в том числе судебных.

Наконец, гигантский архив Парижского парламента, не имеющий аналогов ни в одной другой стране средневекового Запада, свидетельствует о стойком желании подданных судиться по преимуществу именно в верховном суде королевства. Изначально смешанный состав Парламента, где заседали бароны, епископы и легисты, выходцы в большинстве из неблагородных сословий, создавало уникальную ситуацию: каждый обратившийся в этот суд находил здесь равного себе, что играло первостепенную роль в приемлемости для всех общественных групп и сословий компетенции верховного суда. С XIV в. знать добилась привилегии судиться в Парламенте как в суде первой инстанции; вслед за ними и бароны перенесли свои споры в верховный суд. Служители Церкви тоже обращались в Парламент с жалобами друг на друга; городские коммуны и бюргеры также прибегали к королевскому правосудию в большинстве своих споров и конфликтов.

Детальное исследование самых первых сохранившихся регистров Парламента, так называемых *Olim*, убедительно показывает

<sup>30</sup> Aubert F. Histoire du Parlement de Paris... T. I. P. 267–268; Aubert F. Le Parlement de Paris de Philippe le Bel à Charles VII (1314–1422). 2 vols. Paris, 1886–1890. T. 1: Sa compétence, ses attributions. P. 21–23.

тесное взаимодействие судейских служителей власти и широких слоев общества в укреплении и расширении королевской юрисдикции, а также рост привлекательности судов короля в глазах широких слоев общества<sup>31</sup>. Парламент принимал жалобы на действия бальи и их помощников, возмещал нанесенный ущерб, разграничивал компетенции судебных инстанций, использовал уловки в праве и обычаях, всемерно утверждая королевскую юрисдикцию. При этом он применял самые строгие меры к провинившимся чиновникам, присуждая их к уплате гигантских штрафов в пользу потерпевших и короля, а также смещая их «навсегда» и закрывая доступ к королевской службе в будущем<sup>32</sup>.

Решающими факторами в усилении компетенции органов королевского правосудия во главе с Парижским парламентом стали имеющиеся у судей короля эффективные средства исполнения приговоров, образование и университетские дипломы, судебный и правовой опыт, а также относительная дешевизна суда и разумные сроки рассмотрения дел. Не менее важным был нейтральный статус королевских судей: местных чиновников (бальи и сенешалей) выбирали не из числа жителей данной области и меняли каждые два-три года; еще более независимыми от местных раскладов сил были судьи Парламента. Наконец, внедряемый юристами образ короля как «должника правосудия» склонял подданных охотнее обращаться к его суду.

Не стоит сбрасывать со счетов также заметное отставание сеньориальных судов в плане юридической компетентности и архаичности судопроизводства. В суде сеньора не было легистов — знатоков права, а приговор выносился по совету окружавших его вассалов или местных нотаблей. С точки зрения правовой процедуры сеньориальные суды по-прежнему прибегали к судебному поединку (Божьему суду) вместо использовавшихся в королевских судах новых методов расследования, сбора доказательств, опроса свидетелей и т.д.<sup>33</sup>

Обозначившийся в обществе поворот к королевскому правосудию стал важнейшим фактором в деле построения монархиче-

<sup>31</sup> Forcadet P.-F. *Conquestus fuit domino regi. Le recours au roi d'après les arrêts du Parlement de Paris (1223–1285)*. Paris, 2018.

<sup>32</sup> Множество такого рода решений Парламента см.: *Actes du Parlement de Paris. Série 2. 1328–1350* / Éd. H. Furgeot et J.-P. Laurent. 3 vols. Paris, 1920–1975. Т. 1. P. 1, 5, 9, 13, 18, 39, 62, 74, 91.

<sup>33</sup> Lemarignier J.-Fr. *La France médiévale*. P. 348.

ского государства. О важности принятия людьми складывающегося государства прозорливо указывал Дж. Стрейер. Согласно ему, мало учредить какие-то институты и ввести правовые нормы, но, раз они существуют долго и успешно функционируют, значит они «завоевали престиж и авторитет в обществе». Признание людьми («политически активной частью общества») необходимости существования верховной власти, которая сможет решать споры и конфликты как высшая инстанция, придавала легитимность строящемуся государству и создавала для него самый прочный фундамент<sup>34</sup>. О взаимозависимости власти и общества не раз писала в своих трудах Н. А. Хачатурян. Отмечая дихотомию власти и общества как константу любого государственного организма, она обращала внимание на характерную для Средневековья «разную по масштабам вовлеченность в процесс политической жизни самого общества», прежде всего, через его участие в сословно-представительных учреждениях. Тем самым Н. А. Хачатурян настаивала на зависимости власти от общества и его политически активных сил<sup>35</sup>. Об этой же взаимосвязи власти и общества писал и французский социолог Пьер Бурдьё: «Простое противопоставление государства и гражданского общества я хотел бы заменить представлением о некоем континууме, являющемся непрерывным распределением доступа к коллективным, публичным, материальным или символическим ресурсам»<sup>36</sup>.

Поразительно, но современники тоже понимали важность завоевания властью сердец подданных для укрепления этой власти. Так, юрист, гуманист и «отец французской истории» Этьен Паскье в XVI в. считал, что истоком Парламента было учреждение, основанное правителями из рода Каролингов ради «завоевания сердец подданных», и верховный суд стал посредником (*metoyenne*) между королем и обществом<sup>37</sup>. Хотя поиск начала Парламента в столь отдаленные века выглядит простым стремлением придать

<sup>34</sup> *Strayer J.R.* Les origines médiévales de L'État moderne / Trad. E. Clément. Paris, 1979. P. 20–22.

<sup>35</sup> *Хачатурян Н.А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века... С. 163; *Историк и общество средневекового Запада. Памяти профессора Нины Александровны Хачатурян / Отв. ред. С. Е. Федоров, С. К. Цатурова.* СПб., 2021. С. 186.

<sup>36</sup> *Бурдьё П.* О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М., 2016. С. 108.

<sup>37</sup> «...le firent pour captiver par ce moyen le cœur et devotion des sujets» (*Pasquier É.* Les œuvres. Amsterdam, 1723. P. 45–46). Эта трактовка прочно вошла в парламентский миф, о чем свидетельствует труд парламентария Бернара де Ла Рош Флавена начала XVII в., где слово в слово повторена трактовка Паскье истоков Парламента как изобретения майордомов из рода Каролингов для завоевания сердец подданных. См.: *La Roche Flavien B., de.* Op. cit. P. 5.

бóльший вес учреждению, но цели и последствия возникновения верховного суверенного суда королевства эти юристы отлично понимали. В том же духе трактовал Парламент и Никколо Макиавелли: он хвалил учреждение монархами Франции Парламента как третейского судьи, который «сокрушал бы грандов и помогал низам» без ущерба для короля<sup>38</sup>.

Подводя итог, необходимо выделить три главных вывода. Во-первых, приоритет судебной функции на первом этапе построения монархического государства призван был обеспечить зарождающиеся институты и практики моральным авторитетом и поддержкой самых широких слоев общества. Во-вторых, построение монархического государства нельзя воспринимать как последовательное осуществление и претворение в жизнь изначального «проекта» или «плана». Напротив, это был динамичный процесс, в котором активно и деятельно участвовали как носители власти, так и общество, и каждое нововведение открывало новые горизонты для дальнейшего развития. Каждая из сторон – монарх и его служители, с одной стороны, и общество, с другой – извлекала свои выгоды от успешного развития государственных институтов. Наконец, в-третьих, деление на власть и общество достаточно условно: власть в разной степени, но неизменно зависит от общества, и обе стороны в союзе и в динамичном противостоянии создавали то, что ныне именуется государством.

## REFERENCES

- Бурдые П.* О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М., 2016 [Burdye P. O gosudarstve: kurs lektsiy v Kollezh de Frans (1989–1992). Moscow, 2016].
- Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. М., 1990 [Veber M. Politika kak prizvaniye i professiya // Veber M. Izbrannyye proizvedeniya: Per. s nem. Moscow, 1990].
- Историк и общество средневекового Запада. Памяти профессора Нины Александровны Хачатурян / Отв. ред. С. Е. Федоров, С. К. Цатурова. СПб., 2021 [Istorik i obshchestvo srednevekovogo Zapada. Pamyati professora Niny Aleksandrovny Khachaturyan / Otv. red. S. E. Fedorov. S. K. Tsaturova. Saint-Petersburg, 2021].
- Канторович Э.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серegiной. М.,

<sup>38</sup> *Макиавелли Н.* Государь / Пер. с итал. М. А. Юсима. СПб., 2014. С. 75.

- 2014 [Kantorovich E. Dva tela korolya. Issledovaniye po srednevekovoy politicheskoy teologii / Per. s angl. M. A. Boytsova i A. Yu. Sereginoy. Moscow, 2014].
- Канторович Э.* Император Фридрих II / Пер. с нем. Л. В. Ланника и И. П. Стебловой. СПб., 2022 [Kantorovich E. Imperator Fridrikh II / Per. s nem. L. V. Lannika i I. P. Steblovoy. Saint-Petersburg, 2022].
- Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой / Пер. с фр. В. И. Матузовой. М., 2001 [Le Goff Zh. Lyudovik IX Svyatoy / Per. s fr. V.I. Matuzovoy. Moscow, 2001].
- Макиавелли Н.* Государь / Пер. с итал. М.А. Юсима. СПб., 2014 [Makiavelli N. Gosudar / Per. s ital. M. A. Yusima. Saint-Petersburg, 2014].
- Малов В. Н.* Парламентская Фронда: Франция 1643–1653. М., 2009 [Malov V. N. Parlamentskaya Fronda: Frantsiya 1643–1653. Moscow, 2009].
- Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992. М., 2009 [Tilli Ch. Prinuzhdeniye. kapital i evropeyskiye gosudarstva. 990–1992. Moscow, 2009].
- Хачатурян Н. А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008 [Khachaturyan N.A. Vlast i obshchestvo v Zapadnoy Evrope v Sredniye veka. Moscow, 2008].
- Хачатурян Н. А.* Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989 [Khachaturyan N.A. Soslovnaya monarkhiya vo Frantsii XIII–XV vv. Moscow, 1989].
- Цатурова С. К.* Гражданские ценности французских юристов, или зачем нужно государство? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 10 (96). URL: <https://history.jes.su/s207987840011671-7-1/> (дата обращения 11.01.2025) [Tsaturova S. K. Grazhdanskiye tsennosti frantsuzskikh yuristov. ili zachem nuzhno gosudarstvo? // Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal «Istoriya». 2020. T. 11. Vyp. 10 (96). URL: <https://history.jes.su/s207987840011671-7-1/> (data obrashcheniia 11.01.2025)].
- Цатурова С. К.* Людовик IX Святой – отец правосудия // Средние века. М., 2013. Вып. 74 (3–4). С. 344–362 [Tsaturova S. K. Lyudovik IX Svyatoy – otets pravosudiya // Sredniye veka. Moscow, 2013. Vyp. 74 (3–4). S. 344–362].
- Autrاند Fr.* Géographie administrative et propagande politique, le rôle des assignations du Parlement aux XIV<sup>e</sup> et XV<sup>e</sup> siècle // Histoire comparée de l'administration (IV<sup>e</sup>–XVIII<sup>e</sup> siècles): Actes du XIV Colloque historique franco-allemand / Publ. par W. Paravicini et K.F. Werner. München, 1980. P. 264–281.

- Carolus-Barré L.* La grande ordonnance de 1254 sur la réforme de l'administration et la police du royaume // Septième centenaire de la mort de Saint-Louis: Actes des Colloques de Royaumont et de Paris (20–27 mai 1970). Paris, 1976. P. 85–96.
- Dejoux M.* Les enquêtes de Saint-Louis. Gouverner et sauver son âme. Paris, 2014.
- Forcadet P.-F.* Conquestus fuit domino regi. Le recours au roi d'après les arrêts du Parlement de Paris (1223–1285). Paris, 2018.
- Golein J.* Traité du sacre / Ed. R.A. Jackson // Proceeding of the American Philosophical Society. 1969. Vol. 113. N 4. P. 305–324.
- Hildesheimer Fr., Morgat-Bonnet M.* Le Parlement de Paris. Histoire d'un grand corps de l'État monarchique, XIII<sup>e</sup> – XVIII<sup>e</sup>. Paris, 2018.
- Krynen J.* L'idéologie de la magistrature ancienne. Paris, 2009.
- Lemarignier J.-Fr.* La France médiévale. Institutions et société. Paris, 2002.
- Rigaudière A.* Pouvoirs et institutions dans la France médiévale. Des temps féodaux aux temps de l'État. Paris, 1998.
- Strayer J. R.* Les origines médiévales de L'État moderne / Trad. E. Clément. Paris, 1979.

**Цатурова Сусанна Карленовна**

доктор исторических наук,  
ведущий научный сотрудник Отдела  
западноевропейского Средневековья и  
раннего Нового времени  
Институт всеобщей истории РАН  
119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а  
e-mail: tsatourova@mail.ru

**Susanna Tsaturova**

Doctor of Sciences in History,  
Leading Researcher, Department  
of Medieval and Early Modern Studies  
Institute of World History,  
Russian Academy of Sciences  
e-mail: tsatourova@mail.ru  
ORCHID 0000-0002-6031-8761  
WoS Researcher ID AAC-6441-2020  
Scopus Author ID 57211015202